МАРИЯ ВЕГА

ЛИЛИТ

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВ

ПАРИЖ

1955

МАРИЯ ВЕГА

ЛИЛИТ

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВ

ПАРИЖ

1955

ЛИЛИТ

Лилит улыбалась в тумане зеркал,
Лилит появлялась в расселинах скал,
И падали листья, и время текло
В лесные пруды, в золотое стекло.
Был огненый вечер над морем разлит,
И в море купалась и пела Лилит.
Точеные рожки в багрянце кудрей
Изогнутой лирой сияли над ней.
Не Ева, не Ева, — сестра мне Лилит,
Она мне гореть, не сгорая велит
В разливе пожара, в зверином зрачке,
В ночном светляке, в золотом угольке,
Во всем, что сверкает и брызжет огнем,
В живом, ослепительном горе моем.

КОРАБЛИК

Туман. Дожди. Потемки. Гарь.
И облетелых листьев клочья.
Как будто злая ведьма ночью
Стенной трепала календарь
И, четырем ветрам предав,
Метлой швырнула в непогоду.
В зеленом сумраке канав,
Последний раз гнилую воду
Позолотив огнем сухим,
Весь в паутине обветшалой,
Кораблик лист, слепой и шалый,
Мне сердцем кажется моим.

БУТЫЛКА

В бутылке старого вина
Давно иссякла кровь густая.
Сок источившая до дна,
Она в пыли лежит, пустая.

Но замени в ней бывший хмель
Твоих стихов ночным дурманом,
И к берегам иных земель
Отправь скользить по океанам.

Пусть буйный вал взметет ее
До облаков, и кинет мимо,
Пусть имя бедное твое
Через стекло богам незримо, —

Из всех падений, всех неволь,
Горящих слов спасутся души.
Твои стихи морская соль
Острее сделает и суше,

И благородством старины,
И дальних странствий ореолом
Они подернуться должны,
И станет каждый стих тяжелым.

Когда просящая рука,
Разбив бутыль, страницы вынет,
Через моря, через века,
Вино испытанное хлынет,

Но, словно солнцем озарен,
Тот, кто упьется дивным током,
Что будет знать, что вспомнит он
О созревании далеком?

О том, что в дымной, древней мгле,
Все тот-же звук, и чист и верен,

Был недослышан на земле
И на столетия потерян.

ТЕМПЕРАТУРА СОРОК

Когда температура сорок
И первобытный дремлет мрак,
Когда никто тебе не дорог
И безразличны друг и враг,
Тогда из сонного качанья
Слова притти к тебе должны
О запевающем молчанье,
О расцветанье тишины.
И ты, в бреду, дойдешь до сути,
Горя, прозреешь и поймешь
С сороковой ступени ртути
Свою пророческую дрожь.
Не уступай беззвучной бездне,
Не падай на глухое дно,
Но в темном хаосе болезни
Найди сокрытое зерно,
И рассеки одним ударом,
Пока ступень раскалена,
Пока твоим согрета жаром
Чешуйка малого зерна,

Пока, в неповторимом зове,
Томленье озарив твое,
Из тайников кипящей крови
Встает иное бытие...

АНГЕЛЫ

Как могут ангелы сойти
К нам по воздушному пути,
Когда навстречу им, рыча,
Летит стальная саранча?
Как белым перьям уцелеть,
Цепляясь за сплошную сеть
Дымящих фабрик, поездов
И телеграфных проводов?
И все таки, в ночи, тайком,
Израненные, босиком,
Сни бредут едва-едва,
И прячут звезды в рукава.
Но кто из нас, больной и злой,
Томящийся во тьме гнилой,
Не вспомнит, улыбнувшись вдруг,
Что получил из чьих-то рук,
Хоть раз, глоток живой воды,
С зеленым отблеском звезды!

РАДОСТЬ

Сегодня утром красный жук
На подоконник влез украдкой.
По нитке шелковой паук
Спустился над моей тетрадкой,
В саду шиповник бросил мне
Цветок раскрытый на колени,
А ночью маленькие тени
Писали буквы на луне.
Ах, что-то будет?... Все кругом
Дарует смутную примету.
Не радость-ли, бродя по свету,
Зайдет случайно в этот дом?

МУЗЫКА

В каком горниле расплавишь,
В какие слова вольешь
Двойную — дождя и клавиш —
Двойную — до сердца — дрожь?

Нет мускула, нет ресницы,
В которых бы ритм не пел.
В рояле, в окне, струится
Сверкающий ливень стрел.

Какую звезду оставишь,
Каким стихом изойдешь,
Двойная — тоски и клавиш —
Двойная — до крика — дрожь?

Да будет, да будет слово!
Но слова предельный звук
Оборван... Гремит сурово
Стаккато суровых рук.

В сухой, рассыпанной дроби
Приказ: О себе — молчи...
И руки упали, обе,
Как сломанные лучи.

АПОСТОЛ ПЕТР

Выше всех богатырским ростом,
Глядя в небо и в даль морей,
Что ты видел, ярый апостол,
Над толпой других рыбарей?

А когда огоньки вспорхнули
На двенадцать суровых лбов,
Что ты слышал в смятенном гуле
Двенадцати языков?

Не радостен и не светел
Морщинами взрытый лик.
Взывал троекратно петел,
И в сердце остался крик.

Любить не умел ты просто, —
Сквозь муку, сомненье, гнев,
Лег твой путь, сраженный апостол,
Неутешенный старый лев.

Но с какою страстью живою
Ты молился в предсмертной мгле:
«Распните вниз головою,
Казните лицом к земле!»

Под тяжелый скрип перекладин
И каната протяжный визг,
Первый раз из глубоких впадин
Глаза посмотрели вниз.

Ниже пыли, песчинки малой,
С камнями став заодно,
Ты увидел свет небывалый
Там, где прежде было темно.

Ты узнал, приобщаясь рая,
Что небо и здесь, и там,

Но сказать не мог, умирая,
Возвестить не успел мирам,

Привязанными руками,
Недышащим, синим ртом...
Старый Петр. Озаренный Камень,
Больше всех любимый Христом.

МОЛИТВА

Беспредельно, безраздельно веря,
Я прошу тебя, пока жива:
Дай мне детскую правдивость зверя,
Ум совы, неустрашимость льва.

На слепой земле, залитой кровью,
Где пути судьбы бегут вразброд,
Кротость терпеливую, воловью,
Удели мне от твоих щедрот.

А когда я полюбив заплачу,
Господи, подай душе моей
Радостную преданность собачью
И молчанье диких лебедей.

С. М. Радищевой.

Смоляные волосы откинуты,
Желтый глаз прищурен и пытлив,
Треугольниками брови сдвинуты,
А в лице оливковый отлив.
Оттого-ль, что твой шатер заплатанный
Век за веком уплывал в закат,
И алел, как пламя, туго скатанный,
До бровей узорный плат;
Оттого-ль, что ревностью горючею
С детских лет была опалена,
Золотилась грозовою тучею
И медовым отблеском вина, —
Навсегда в тебе туман и золото,
Странный мир сияний и теней,
Словно сердце на двое расколото
В двойственности ранящей своей.

БЕЛКА

В Зоологическом Саду
Следы от лапок на пруду.
Прудок подернут тонким льдом,
И серый-серый день кругом
Плывет из сонной пустоты,
Цепляясь ватой за кусты.
Вот в пустоте пропела дверь, —
За дверью клети мертвый зверь...

Сорока белке говорит:
«Он будет к вечеру зарыт».

Качнула белка головой,
И полушубок рыжий свой
Хлопочет серым заменить:
Неловко в рыжем хоронить.

ОРЕЛ

Клюв обломан. Нет крыла.
Желтым глазом из угла
Смотрит в стену. Спит — не спит.
В клетку наглухо забит.

От окна, сквозь полумглу,
К уцелевшему крылу
Пауки-крестовики
Протянули гамаки.

ДЖЕЙРАНЫ

В Зоологическом Саду
Четыре маленьких джейрана.
У младшего гноится рана.
Мы вместе. Мы давно в аду.
У них озябшие копытца,
На детских рожках короста.
С лохмотьев рваного куста
К ним на солому дождь струится,
И стыдно, и нельзя жалеть,
Нельзя им лгать о рощах рая,
Куда уходят, умирая.
Но можно только через клеть
Смотреть на золотые шкурки,
На лоб, отмеченный звездой,
На чашку с мутною водой,
Где тонут вспухшие окурки.

СОЛОВЕЙ

Золоченые клетки,
Колокольчики пагод.
На искусственной ветке
Грозди сахарных ягод.

Только звезды зажгутся
Над густым кипарисом,
Преподносится блюдце
С императорским рисом.

И портьеры задвинув,
Чтоб от окон не дуло,
Тридцать пять мандаринов
Морщат желтые скулы,
Преклоняют колени,
Шелестят веерами,
Предлагают — на сцене
Петь по новой программе,
Богдыхану в угоду,

(Чтобы голос был звонкий).

Про хмельную свободу,
Океаны и джонки.
Чтобы каждая строчка
Подчинялась указам.

(А на лапке — цепочка.
А цепочка — с алмазом).

Во дворце богдыхана
Занавешена сцена,
И лежит бездыханно
Соловей Андерсена.

КВАДРАТ

Нас было четверо в миру, —
Квадрат в законченности строгой.
Мы были включены в игру
Какой-то плоскости отлогой,

Где каждый был и центр, и край,
И треугольник, и звучанье
Летящего в высокий рай,
В ночи воздвигнутого зданья.

Но случай между нами рвал
Геометрические узы:
Мы превращались в круг, овал
И катет без гипотенузы.

И в глубь оконного стекла,
Как пузыри дождя, мы плыли,

А сзади музыка текла
Косым столбом дорожной пыли.

Быть может, лопаясь, пузырь
Сладчайше пел... Быть может, где-то,
От капли запевал снегирь,
И в луже голубело лето...

А мы соединялись вмиг,
В угаре, в мире, в лире, в споре,
В бреду несотворенных книг,
В стеклянном зайчике на шторе,
В нечаянном ночном стихе,
Плеснувшем золотое знамя,
Во всей чудесной чепухе,
Которая зовется Нами,
И строит, строит в пустоте,
На грани сумрака и света,
Всегда не так, не ту, не те,
Не то, но — бесконечно — Это.

Где сон граничит с явью?
Как перерезать нить,
И жизни чару навью
На миг остановить?

Но тщетно мы стремимся
Впотьмах найти ответ.
Мы тоже только снимся
Земле, которой нет.

**
*

Мое предвечернее счастье, большой, озаренный покой...
Раскрыты прозревшие окна над светлой, чужою рекой,
И барки чужие проходят, и призрачный груз невесом,
И легок, среди декораций, мой маленький карточный
дом.
Все, может быть, только приснилось: дорога, туман,
тополя,
Печаль неудавшейся встречи, и звезды, и эта земля,
Которая тоже уходит, которой не будет сейчас,
И мой человеческий, бедный, неправдоподобный
рассказ.

ВЕРСАЛЬ

На этих плитах, поросших мхами,
На этой старой, седой земле,
Шуршали платья, пьяня духами,
Вздыхали дамы о короле.

И верный камень забыть не может,
Он помнит свято за часом час,
Он помнит шорох точеных ножек
И целовавший его атлас...

Безумен ветер, сухой и пыльный,
Под высью черной бледна земля,
И голос камня, такой могильный,
Ответа просит у короля.

Над пьедесталом, как сумрак темен,
Из бронзы вылит, как смерть могуч,
Король безмолвен, король огромен, —
Людовик — Солнце на фоне туч.

Скрипят деревья, скрипят устало,
Читают смертный свой приговор.
Кругом вассалы и кардиналы,
Окаменелый и белый двор.

Когда-же ветра порыв осенний
Заденет гривой лицо земли,
По камни молят о воскресеньи,
О соловьиных смычках Люлли.

Ведь счет потерян часам, неделям...
Вчера?... Сегодня?... Всегда?... Давно?...

И сердце камня все тем-же хмелем
Эпохе мертвой обручено.

Фонтаны, бейте! В туман развейте
Шелка серебряных веретен.
Концерт Моцарта звенит на флейте,
И воздух розами упоен.

Зажгитесь, люстры! Струите нити
В пруды, сквозь дремлющие камыши.
Король, проснитесь, вы крепко спите,
Вы потерялись в ночной тиши.

Но руки шпагу навеки сжали,
Не дрогнут бронзовые кружева.
Весь темный. темный, на пьедестале
Людовик - Солнце. И ночь мертва.

И стихший ветер уходит плавно,
Как дни уходят и вечера.
А камни шепчут: «Ведь так недавно...
«Еще вчера...»

СЕРОГЛАЗАЯ МАТЬ

Была у меня сероглазая мать,
Но мне запретили ее вспоминать,

И только осталось о прошлом, — о ней, —
Что пела она, как поет соловей.

Я плакала долго, — все детство в тоске.
Я тени ловила на зыбком песке,

Встречая напрасно у школьных дверей,
Высоких, красивых, чужих матерей.

Я долго блуждала в тумане пустом,
И жизнь протекла, как вода под мостом.

Но вечером к правде мы ближе всегда:
Чем глубже колодец, тем ярче звезда.

И вот, неожиданно, в сердце моем
Ты дышишь, ты курским поешь соловьем,

Червонные косы спокойно плетешь,
И в поле колышется спелая рожь.

Ты знак подаешь, ты роняешь звезду,
И я по знакомой дороге иду

В твой запах ржаной, в твой медовый покой,
Где каждое дерево машет рукой,

Где избы стоят меж запутанных троп,
В соломенных шапках, ползущих на лоб.

Каким тебя именем надо назвать,
Моя сероглазая, вечная мать?

ОЛЬГА

Имя Ольга прозвучало глухо,
И плотней сомкнулась тишина,
Словно бережно коснулась слуха
Нежная и страшная струна.
Ольга, это — детство, это ревность,
Это снег, и музыка, и грусть,
Это вся языческая древность,
Вся лесная, княжеская Русь.
Буйных пург струится белый полог,
Канули пути в ночную тьму...
Ольга, это — ледяной осколок
С темных окон в сонном терему.

Снятся мне глаза, слегка косые,
Бронзовые, скифские черты
И, когда мне говорят: «Россия»,
Спрашивает сердце: «Ольга, ты?...»

СЕМНАДЦАТЬ ЗИМ

То в белых киках, то в убрусах,
То с жемчугами в косах русых,
В густой фате до самых губ,
В атласном хрусте длинных шуб,
Семнадцать зим, семнадцать сказок,
Сверкнув полозьями салазок,
С горы слетели ледяной.
Семнадцать зим пришли за мной.

Вот та, румяная, когда-то
Гуляла павой вдоль Арбата
И стен Кремлевских; а вокруг,
Над бубенцами конских дуг,
Над золотыми куполами,
Малиновое гасло пламя, —
Закат крещенский. И она,
Издалека озарена,

Меня несла, платком укутав,
Часы забыв, дороги спутав,
И нам, из темных облаков,
Звенели сорок сороков.

А та, — царевна - Лебедь? Иней
Заткал цветами бархат синий
Ее ночного шушуна.
В прозрачных пальцах тишина,
В глазах мерцанье неживое
Высоких окон над Невою.
Как много раз, со мной вдвоем,
Туманным, петербургским днем,
Вдоль строгих невских побережий,
В санях, под полостью медвежьей,
Она скользила, чуть дыша, —
Моя печальная душа,
Мой ветер с голубой Онеги,
Мой стих о петербургском снеге.

Над сердцем кружатся моим
Семнадцать русских, вьюжных зим,
Замкнув меня в метельном круге.
Вот ту я видела в Калуге,
А эту, пышную, в Орле...

Семнадцать их, по всей земле
Плясало, плакало и пело.
Под их шагами ночь скрипела
Тугим морозом. И теперь,
Когда они раскрыли дверь,
Играя на моем пороге,
Я вижу, — прерванной дороги
Опять намечена черта,
И Восемнадцатая, — та,
Которой жду, числа не зная,
Моя последняя земная,
На страже у последних врат,
Стоит, накинув белый плат.

1951 г.

ПЕРЕУЛОК

Если в сердце моем уцелели
Темно-красный, с колонками, дом,
У забора косматые ели
Да сугробы в тумане седом,
Если вылились в святочном воске
И остались со мной навсегда
Переулок Николо-Песковский
И на куполе синем звезда, —

Разве бедным стихом обозначу,
Разве сделать живою смогу
Ту любовь, что не вижу иначе,
Как цветком на московском снегу?

ПЕТЕРБУРГСКОЕ

У любви простое имя: Вронский.
Восемь кованных, спокойных букв.

Вдоль седых проспектов топот конский,
Вдоль сановных зал холодный стук
Каблуков и сабель... Лед и холод.
Зеркала, и снова зеркала...

Детской брошью воротник заколот, —
Сердце из коралла и стрела.

———

Полк. Парады. Тосты в честь Монарха.
На сукне зеленом — туз червей.
Вдальней ложе — Анны черный бархат,
Вопросительный изгиб бровей:
«Любишь?...»
Но в оркестре, первым гудом

Ветер музыки задел смычки,
И рука с фамильным изумрудом
Нервно обрывает лепестки.

Стройный силуэт в толпе потерян.
Чуть блеснули кисти эполет.
И с улыбкой желчною, Каренин
Смотрит счастью гибнущему вслед.
Счастье петербургское туманно.
Кто нашел в нем то, чего искал?...

Сломанною розой тонет Анна
В театральном омуте зеркал.

ПУШКИНСКАЯ УЛИЦА

Старый дом, снегами ослепленный,
Огоньками смутными дрожа,
Ждет меня с тревогою влюбленной.

Над углом второго этажа
Зябкий голубь бродит по карнизу,
А метель кружит и дует снизу

И, в окно закидывая снег,
Машет рукавом, велит навек
Утонуть в ночи всему живому,
Лечь в глухой, заиндевелый гроб,
И пропасть приснившемуся дому,
Провалиться с головой в сугроб.
Но как дверь протяжно застонала,
На площадку выплеснув тепло!
Тридцать лет в разлуке протекло,
И она теперь меня узнала.
Печь гудит огнем веселых дров.
Тихо свитки свернутых ковров
Развернулись и, шурша, поплыли.
Ни цветов для встречи, ни вина:
В эту ночь квартира убрана
В седины тридцатилетней пыли.
Тишина таится по углам,
Час за часом ночь слепей и глуше.
Сквозь полуистлевший, нежный хлам
Оживают комнатные души.

Как вспорхнул из незабвенных рук
Огонек к фарфоровой лампаде,
Так лежит на золотом окладе
Мирный свет. И ласково вокруг,
И тепло ,и в запахе домашнем,

Обретенном, дорогом, вчерашнем,
Узнаешь себя, как в зеркалах.
Дремлет мебель в ситцевых чехлах,
Но, пока иду, пружина в кресле,
Сердца стук в диванной глубине,
Закричать готовы: «Мы воскресли!»
Из углов протянуты ко мне,
Распахнув широкие объятья,
Створки ширм, атласный пуховик,
И листы веснущатые книг,
И в шкапу взволнованные платья...

Я ложусь в открытую постель,
Отряхая нафтаинный иней
С одеял... В трубе ворчит метель,
И тетрадь, в своей обложке синей,
На столе, как прежде, как всегда.
У окна отогнута портьера,
И блестит морозная слюда
На стекле..., а там, в сугробах сквера,
В переулке темный силуэт,
Старший брат мой, Бронзовый Поэт.
Ни о чем не помню и не плачу,
Хорошо мне в люльке снеговой.
Задевает вещи наудачу
По комодам верный домовой.

Тронул ключ... Который и откуда?
От каких ларей его ключи?
Сдунул пыль, и дрогнуло в ночи
Серебро проснувшегося гуда.
И звенит высокая струна,
Ищет слов пронзительных она,
Что сложить в разлуке не успела:
Это вслух заплакал старый дом.
Это лира, в ящике пустом
Тридцать лет дремавшая, — запела.

ТЕНЬ

Бывают дни, когда такая тьма,
Такая боль, такая в сердце жалость,
Что непосильной кажется усталость
И тишина, сводящая с ума.
Ты входишь в свой оледенелый дом,
Где все навек теперь осиротело,
А в кресле у окна, давно пустом,
Еще живет знакомый оттиск тела.
И перед креслом — (так закрытый гроб
В слезах целуют) — молча, на колени,
В обивке жесткой прижимая лоб
И чувствуя на нем дыханье Тени.

У МОСТА

Вся моя история
Так проста:
Повстречала горе я
У моста.
Горе полюибла я,
Ну так что-ж?

Он сказал мне: «Милая,
Не уйдешь».

Звезды с неба падали,
Или мы?
Но об этом надо-ли
Петь псалмы?

Вся моя история
Не спроста:
Обручилась горю я
У моста.

ИУДИНО ДЕРЕВО

Ты входишь уверенно
В мой дом поутру.
Иудино дерево
Дрожит на ветру.
Цветенье прозрачное,
И ветер морской,
Какой вы охвачены
Смертельной тоской?
Из праха мы созданы
И в прах влюблены.
Лиловым и розовым
Деревья пьяны.
А пена у берега,
Играя песком,
Тридцатый серебренник
Чеканит тайком.
Тебе в оправдание
Молитв не ищу:
Все знаю заранее
И, зная, прощу.

*
* *

Пусть отчалил пароход,
Пусть идет за годом год,
Без лица, без имени...
Не забудь мне знак подать,
Если будешь умирать, —
Сердцем позови меня.

Ночь. Разлука. Волны. Грусть.
Все равно тебя дождусь
Там, где было сказано:
Там, где светит Водолей,
Где моя душа с твоей
Накрест перевязана.

ОСЕНЬ

Мой сад благоухал еще вчера
Смолой, сосной и скошенной травою,
Давно укоротились вечера,
А он спешил упиться летом вдвое.

И верил в жизнь, не помня, что пора
Перед концом поникнуть головою.
Был ярок блеск прощального костра, —
Цветенье роз пронзительно-живое.

Но на заре, взметая пыль дорог,
Из дальних туч донесся ветерок,
Стволы задел, и листья полетели.

И вся в слезах, увидела душа,
Что роза раздевалась не спеша,
Готовясь к смерти, как дитя к постели.

ПЕТЕРБУРГ

Был странный день, когда свершились сроки,
Когда раскрылась дверь сама собой,
И пролились прошедшего уроки,
Как сок плодов из чаши голубой.
Чужих октав разрозненные строки,
Двух скорбных лир немолчный перебой,
Не вас-ли я, захлебываясь мраком,
Ждала всю жизнь? — Вы мне явились знаком.

Был темный день, и темный дождь в окне,
Лохмотья туч и злой закат ненастный.
Глазок свечи в недорогом вине
Слезами истекал. Но спор двугласный
Искусства с сердцем, в тучах и огне,
Двойная боль их переклички страстной,
Двойной напев, то сложный, то простой,
Меня стрелой пронзили золотой.

Которая из двух близка мне лира?
Что петербургский мне навеял бред?
Далекий гул из ледяного мира —
Ломовиков, дворцовых-ли карет —

Ко мне летит? Но снежная Пальмира
С несмелых струн легко сняла запрет,
И я, в лучах не мне присущей славы,
Сама берусь за важные октавы.

Поэт, поэт, тебя томит жара
И смольный дух костра не перекрестке.
Угарные бледнеют вечера
В твоей Неве, и липнет пыль известки
К полам шинели. Мне давно пора
Увлечь на театральные подмостки
И освежить полночною игрой
Твои глаза, спаленные жарой.

Еще белы раскрытые страницы,
Но задрожал пытливый карандаш.
Мы с ним вдвоем среди ночной столицы,
Где ждет меня прабабкин экипаж.
Плеск голубей над статуей Фелицы
Влюбленный слух угадывает наш,
И этот шум, и шелковый, и дальний,
Мне шум иной напомнил, — театральный.

Нам не прожить без выдуманных драм,
Без вымысла насущного, без позы.
Театр для нас — ежевечерний храм,
Где Бог взрастил искусственные розы,

И что ни ночь, причастные дарам,
Мы познаем восторг метаморфозы,
Когда спешим от правды отдохнуть,
Себе создав по вкусу лик и суть.

Зима царит. Над сонной белизною
Фонарных лун тройная ворожба.
Мой Петербург! Бежит передо мною
Твоих оград чугунная резьба,
Струится снег, шурша фатой сквозною
Вдоль желтых стен, и с каждого столба
Метет пурга серебренные дани,
Взвивает вверх и мне кидает в сани.

Минуя сквер, где к памятнику льнет
Бездомных птиц нахохленная стая,
Замедлил конь размашистый полет,
И перед ним, в тумане вырастая,
До самых глаз закованная в лед,
Из белых волн и складок горностая,
Блестя венцом меж дымных облаков,
Встает Екатерина — сон веков.

А там, за ней, по ледяной панели
За тенью тень вдоль улиц потекли.
Мелькнут бобры онегинской шинели,
Волнистый шлейф расстелется вдали...

Рои старух, ползущих еле-еле,
Прошелестят... Для всех скорбей земли
Раскрыт театр, восьмым волнуя часом
Толпу теней, стремящуюся к кассам.

Ты говоришь с иронией, поэт:
Не нов сюжет и тяжела оправа.
О сцене петь большой заслуги нет, —
Театров тьма налево и направо.
Все города Европы, целый свет
Давно познал, как велика отрава
Их колдовства, о нем не написав
Ни двадцати, ни тридцати октав.

Нет, на земле не все одно и то же,
Хотя везде рассыпаны равно
Огни, смычки, и мишура, и ложи.
У разных стран различное вино,
Хот две лозы румяным соком схожи.
Нам в униссон пьянеть не суждено:
В Европе ум, не омраченный бредом,
Всегда тушил фантазию... обедом.

Но не хочу в сравнения играть,
Ни поражать умы строфой колючей.
По воле муз, поэту надо брать
Лишь ту струну, что показалась лучшей,

А для других скупа моя тетрадь.
Немного слов подсказывает случай,
И в эту ночь, он вдохновенно рад
Взмахнуть крылом у театральных врат.

Как надо петь, как говорить об этом?...
Стихи волной нахлынут и умчат!
Над золотым, колеблющимся светом
Плывет свечей медово-дымный чад.
Сейчас начнут... И в воздухе нагретом
Из створок лож последние звучат
Слова и смех... Перед притихшей залой
Ползет наверх тяжелый бархат алый.

Играли все в той снеговой стране.
Играл актер, и вторил зритель каждый.
Когда ушли, с котомкой на спине,
В чужих краях, одной томины жаждой,
Играли мы комедию. Во сне
Летели в рай, рассыпанный однажды,
Как горсть золы, среди могильных плит.
Играть всю жизнь нам русский рок велит.

В каком огне он нас пытал и плавил?
Какой тоской любовно свел с ума?
Не преступить его гранитных правил,
Со лба не снять туманного клейма.

Он в балаган, у рампы, нас поставил,
И роль пришла для каждого сама.
Не сняв личин, проходим сквозь эпохи
Мы, петербуржцы, Божьи скоморохи.

И ты, поэт, судья моих октав,
Слепой орел в твоей промозглой клети,
Откуда бред твой, и юродный нрав,
И злой огонь, и все ужимки эти,
И твой порок, пьянее всех отрав,
И доброта, которой верят дети,
И у икон молитвенная дрожь?
Быть может, все — лукавой маски ложь...

Вот ты встаешь, взъерошенный и странный,
Так хрупко мал среди пятнистых книг.
Незрячий глаз, беспомощно-туманный,
Косит в очки, и острый профиль дик...
А за тобой — бутылок рой стеклянный.
Кто пил с тобой? Придуманный двойник
Считал гроши для нищенского пира:
Пурпурный шут трагедии Шекспира.

А я — одна из неразумных дев,
Тех, что летят на свет чужой лампады,
И в дом войдя, на стул хромой присев,
Глотку вина нечаянному рады,

С ним вместе пьют чужую боль, и гнев,
И в соли слез — мед творческой услады,
Чтобы разжечь светильник чуткий свой,
Безумный стать, но без конца живой.

Один, и два, и три вдали удара.
Смычки взвились и разом пали ниц.
В огнях свечей, в хмельной волне угара,
Плывут черты преображенных лиц.
Чем мы с тобой, печальный шут, не пара,
Здесь, в ложе снов, в театре небылиц?
Здесь тень твоя к моей прильнула тени,
И мы вдвоем отражены на сцене,.

И дальше мы отброшены, — в простор,
В пески пустынь, в полярные туманы.
Быть может. нас среди тибетских гор
Бродячие встречают караваны,
Быть может, мы своих стихов узор
Вплели и цветы, в созвездья и лианы,
И в эту ночь над рампой склонены
В театрах Ориона и Луны...

Последний акт приблизился к развязке.
Убит король. Гремит церковный звон.
Но мертвый встал и, не снимая маски,
Отвесил нам изысканный поклон.

Уже вдова, отплакав по указке,
Допела до конца надгробный стон,
И мертвецы, покинув поле брани,
Идут домой под гром рукоплесканий.

Идем и мы. Со стороны взглянуть —
Сошли с ума. Но мы еще играем.
И не с тобой, а мной проложен путь
В седой стране, где мы все камни знаем,
Где петербургским ветром дышит грудь,
И этот ветр на землю послан раем,
Вдоль невских вод, в мерцание и сон,
Для наших лир, поющих в унисон.

Опушены ампирные карнизы
Лебяжьим пухом. У ворот дворца
Колонны спят, спеленатые в ризы.
И белизне, и ночи нет конца.
Горбатый мост. Канавка. Призрак Лизы.
И Пиковая Дама у крыльца.
А в высоте — так страшно и знакомо —
Огонь в окне Юсуповского дома.

Там пировал мужик с лицом хлыста,
Придворный маг, в атласах и сафьяне.
Как роль трудна. Как будет смерть проста
У черной Мойки, в предрассветной рани.

Огни мертвы. Столовая пуста,
Но у зеркал горят все те же грани,
И в них скользит за смутным ликом лик:
Старуха... Лиза... Герман... и мужик..,

И ангел-мальчик с полотна Серова,
Бесполый паж, с коробкою румян...
Ему в ту ночь принадлежало слово,
И огненным восторгом обуян,
Он меч занес, — но вдруг очнулся снова,
От сладких вин и темной крови пьян,
И понял: не ему играть злодея,
Ни Борджиа, ни Дориана Грэя.

Литейный спит. Спят черные орлы,
Склонясь к венкам порфироносной саги.
Спит Летний Сад... Из темной, вьюжной мглы
Чуть бьют крылом невидимые флаги.
Но сквозь сугробов пенные валы,
Следы саней, чертя на льду зигзаги,
Бегут за мной, и каждый острый штрих,
Взрезая лед, поет в стихах моих.

Куранты бьют. Медлительны и глухи,
Удары замирают в облаках...
Навстречу мне из стен выходят духи:
Плащи, ботфорты, снег на париках...

А вот и он, в надвинутом треухе,
С шпицрутеном в протянутых руках, —
Безумный Павел, бедный царь нерусский,
Затянутый в мундир — для сцены — прусский.

Играли все в те дальние года,
Играли все в том городе миража.
Фантазии зеленая звезда,
Куда ни посмотрю, одна и та же.
Полет и срыв, и счастье, и беда,
Минутных драм причудливая пряжа
От тронных зал до стойки в кабаке
Разыгрывалась в творческой тоске.

И не она-ль, крылатая, упала
В альпийский снег, за тридевять земель,
Как будто ей России было мало,
И в итальянском небе крылась цель!
Там рев слонов и трубы Ганнибала
Еще гремят сквозь горную метель,
И шалый генерал, в восторге диком,
Слонам ответил петушиным криком.

Мой карандаш бежит. А ночь кругом
Уже не та, не наша, — дождевая.
За каплей капля точит сонный дом,
Вдоль мокрых стен журчать не уставая.

Над отслужившим письменным столом
Свеча горит и меркнет, чуть живая,
И Петербург, стихи напевший мне,
Свернувшись, лег в гравюру на стене.

Едва видна на миг оживших статуй
В гравюре пыльной призрачная рать.
Из темноты, с улыбкой виноватой,
Призналась муза, что пора ей спать.
Утомлена октавою тридцатой,
Закрыла я покорную тетрадь,
Настал антракт. И зреющее слово
Пусть отдохнет до действия второго.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

День изо дня, едва больной рассвет
Крыш городских коснется желтым тленьем,
Аничков мост, Фонтанка, ряд карет
Дрожат в окне неясным отраженьем.
Мои дома прохожим смотрят вслед,
Ложатся вкось, испуганы круженьем
Людей, лотков, зонтов, телег, собак
И, побледнев, отходят в полумрак.

Но есть часы, когда двоясь в мираже,
Стекло к стеклу, они еще живут.
Вот фонари, театр, сугроб, и даже
В асфальте черном медленно плывут
Вход во дворец и часовой на страже.
Я открывать люблю, то там, то тут,
Рисунки снов, все дальше, безрассудней,
На рубеже стихов и трезвых будней.

Забрезжил день. Пробил безвестный час.
Таких часов в земной судьбе немного:
Чуть жить начнем, и вдруг охватит нас
Глухой озноб, невнятная тревога.
В просвет окна глядит пугливый глаз,
Но тишина насторожилась строго
И руку занесла, чтоб уронить
Тужелый нож и перерезать нить.

И тишина вошла, сгорев от блеска, —
Та тишина, в которой спят века.
В тот страшный час качнулась занавеска
Над сценой сцен, в порыве сквозняка,
И в улице пустой сверкнули резко
Серебряною лентой два венка:
Ни строгий ямб, ни лиры клекот медный
Не отразят той тишины победной.

Прижат к стеклу похолодевший лоб,
И я смотрю, окаменев сурово:
На уровне окна качнулся гроб,
Короткий сруб, некрашеный, сосновый,
И тихо вполз в нетающий сугроб,
В Аничков мост и в будку часового.
Какой актер, какой великий мим
Сумел блеснуть прощанием таким?

Мой старый шут, актер безмолвной драмы,
Виргилий мой на всех путях пера.
Где то вино, где та зима, когда мы
В костре стихов сжигали вечера,
Творили мир и разрушали храмы,
Что до луны возвысили вчера?
Как нищий Лир, ты отошел, без свиты,
В холодный склеп могильной Афродиты.

Ты принял роль, и до конца донес,
Таясь от всех, дрожа над скрытым кладом,
Готовя день за днем апофеоз.
А смерть давно с тобой сидела рядом,
Но твой уход тайком от смерти рос,
И вот она следит бессильным взглядом,
Как ты встаешь, как ты, сойдя с ума,
сверкнул пятном жемчужного бельма,

Как пестрый плащ провеял, торжествуя,
И навсегда исчез, пропав вдали, —
(Кто принудит мечту, навек живую,
Влачить крыло по рытвинам земли?)
Как ты швырнул колпак на мостовую,
И бубенец, кружась, умолк в пыли,
Как тень твоя вбежала легким бегом
В тень Петербурга и закрылась снегом.

И там, в веках, как драгоценный груз,
Неся стихи, дремавшие под спудом,
Слагает их к ногам любимых муз,
И бронзовые лиры важным гудом
Поют в ответ, и грозди снежных бус
Летят в туман, и тусклым изумрудом
В серебряной Неве отражена,
Мерцает петербургская луна.

1953.

